

№17

ПАЛАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ᚱᚧᚨᚱᚱᚱᚱ ᚷᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱ :

ВНОМЕРЕ:

Работы Толкина. Тайный порок.	3
Б.ЖУКОВ. Охота на эльфов.	12
Слово читателю. Хель Итилиенская. Великие Кольца и их создатели.	18

Дорогие читатели и авторы!

После полугодового перерыва мы снова с вами! Этот номер можно считать пробным - многие читатели просили не разбивать статьи на несколько номеров, и мы попытались выполнить их просьбу. Поэтому нам не удалось опубликовать сразу всё то, что было намечено - но мы обещаем, что ни одна статья не пропадёт и войдёт в один из следующих номеров.

ПАЛАНТИР
№ 17 1999
ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делаем:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Тлорин
Эйкинсьялди*

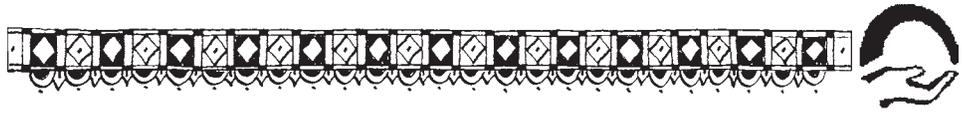
Адрес для писем: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@sut.ru zoltan@home.ru 2:5030/441.3@FidoNet
Наш сайт: <http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright ©1999, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэна Смита.

ТАЙНЫЙ ПОРОК [1]

(Печатается в сокращении)

Лекция Дж.Р.Р.Толкина, в свое время получившая название “Тайный порок”, необычна. По мнению сына Толкина Кристофера, это скорее всего единственный случай, когда “воображаемый мир” Толкина был во плоти представлен “академическому миру” Оксфорда, что произошло в 1931 год; за шесть лет до первого издания “Хоббита”. [2]

В конце лекции Толкин предлагает вниманию своих слушателей стихи, написанные на “воображаемых языках”, - еще довольно далеких, но очень красивых предшественниках эльфийских языков Квеня и Синдарин “Сильмариллиона” и “Властелина Колец”. Поскольку уже ко времени выхода в свет “Властелина Колец” Толкин изменил и переработал практически всю лексику и грамматику этих языков, примеры эльфийских языков 1931 года в настоящей публикации лекции не приводятся. Но одно из стихотворений - “Последний Ковчег” - Толкин спустя много лет переписал заново, используя тот вариант языка Квеня, который встречается и на страницах повести о Войне Кольца, и в более поздних черновиках “Сильмариллиона”. Именно эта версия “Последнего Ковчеха” дана в завершение лекции.

Моя сегодняшняя тема весьма щекотлива. В самом деле: я намерен не более и не менее как прилюдно открыть свой тайный порок. Если б у меня хватило дерзости сразу обратиться к подобной теме, я мог бы назвать свою лекцию Словом о Новом Искусстве или Новой Игре. Однако, располагая определенными сведениями, полученными случайно, а также некоторыми мучительными признаниями, я имею серьезные основания подозревать, что этот порок, хоть и тайный, довольно распространен; во всяком случае, первые шаги по такому пути делали очень многие люди, причем независимо друг от друга. Но те, кто ему подвержен, как правило, столь застенчивы, что даже друг с другом редко делятся плодами своих трудов, и потому не знают, кто из них гениальный игрок, а кто - великолепный “примитивист”, и чьи отвергнутые миром труды, хранящиеся в ящиках письменных столов, могли бы за баснословную цену приобрести американские музеи - в грядущем, когда такое “искусство” наконец получит признание. Хотя вряд ли, конечно, признание будет всеобщим: слишком медленная и трудоемкая это игра, не думаю, что даже самый пылкий ее поборник сумеет за всю свою жизнь создать более одного настоящего шедевра, да еще, может быть, нескольких блестящих набросков и черновиков в дополнение к нему.

Никогда не забуду одного маленького, ростом меньше меня человечка, чье имя стерлось из моей памяти: случайно он приоткрыл свою страсть, томясь от скуки в сырой и грязной палатке, где стояли дощатые столы, смердело прогорклым бараньим жиром, в палатке,

Электронная версия находится в архиве “Арды-на-Куличках”

Переводчик неизвестен.

(Опубликовано в журнале “Знание-Сила”. № 6 за 1998 г.)

qjč : i bλç mјč : çč б'ч'ч'г : б

куда тесно набились продрогшие и по большей части приунывшие человеческие создания. Мы слушали какую-то лекцию - не то по чтению карт, не то по походной гигиене, не то по искусству проткнуть человека штыком, не испытывая угрызений совести; вернее сказать, мы старались не слушать, хотя у армейских лекторов, как правило, совершенно исключительный голос, равно как и язык. И тут мой сосед вдруг сонно и мечтательно произнес: “Да, пожалуй, я выражу винительный падеж префиксом!”

Задумайтесь только, какие великолепные слова! “Я выражу винительный падеж”. Превосходно! Не “винительный падеж выражается”, не неуклюжее “винительный падеж, как правило, бывает выражен”, не суровое “как вам известно, винительный падеж выражается таким-то способом”. Нет, ничего подобного! Взамен - явственная оценка различных возможностей перед тем, как сделать выбор и принять окончательное решение в пользу дерзкого и необычного префикса, настолько личное, настолько притягательное; окончательный выбор некоего элемента в узоре, который до этого никак не желал складываться. Никаких низменных рассуждений о “практичности”, “доступности” для “современного ума” - лишь вопрос вкуса, удовлетворение личным пристрастиям, личное ощущение полного соответствия.

Он произнес эти слова и улыбнулся - и в улыбке его была величайшая радость, словно у поэта или художника, который вдруг понял, как можно исправить в своем творении прежде никак не удававшийся штрих. Правда, я должен заметить, что маленький человечек оказался необычайно скрытным. Я так и не сумел выведать другие подробности его тайной грамматики; обстоятельства войны очень скоро разлучили нас. И все же, думаю, я не ошибся: тот странный солдат, который стал еще более робким с тех пор, как нечаянно выдал свою тайну, в унынии и убожестве так называемой походной жизни развлекал и подбадривал себя тем, что создавал язык, личную систему и симфонию, которой никто больше, кроме него, не мог ни выучить, ни услышать. Как далеко продвинулся он в своих трудах, я не знаю. Быть может, его разорвало в клочья в тот самый миг, когда он остановился на каком-нибудь особенно соблазнительном способе выражения сослагательного наклонения... Увы, войны не способствуют таким развлечениям.

Но тот маленький человечек был не единственным, кто когда-либо практиковался в создании языков. Вероятно, среди таких людей должна существовать тайная иерархия. Не знаю, где именно на иерархической лестнице было место маленького человечка. Полагаю, где-то очень высоко. Мне же довелось наблюдать за работой других мастеров, освоивших лишь некоторые низшие ступени этого искусства. Я знал двоих людей - двое это уже само по себе редкостный феномен, - которые создали язык, именовавшийся “анималик” (“животный язык”), поскольку он почти целиком состоял из английских названий зверей, птиц и рыб, и бегло разговаривали на своем языке к вящему смущению окружающих [3]. Одна фраза застряла у меня в памяти: “Собака соловей дятел сорок”, что означало: “Ты - осел” (“You are an ass”). Как видите, в высшей степени примитивно: конечно, двое, о которых я говорил, были маленькими детьми и, повзрослев немного, стали облекать свои творения в более сложные формы. Но я не намерен анализировать “детские языки”, хотя они и представляют собой интересный материал для исследования: можно показать их формальное родство со сленгом, жаргонами, бытующими среди низов общества, а также связь “детских языков” с играми и многим другим, что, возможно, имеет определенное отношение к чисто лингвистическому предмету моей лекции. Но сейчас разговор не о том.

Разумеется, лингвистический элемент можно порой отыскать даже в ребяческих играх. Однако разница - признак, по которому всегда можно отличить образчики искусственного языка, о

ᄂᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ ᄆ ᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ :

которых я веду речь, от того, что остается за пределами моего внимания, - думается мне, состоит вот в чем. Для жаргона изначальная связь между звучанием и значением слова не слишком важна - жаргоны не художественны. Жаргоны “практичны” - они служат нуждам людей, желающих ограничить понимание слов определенными рамками, которые можно более-менее оценить и контролировать, и дают возможность забавляться подобным ограничением. Они служат нуждам тайных, отверженных и гонимых сообществ или нелепому стремлению создать видимость своей принадлежности к такому сообществу. Средства, которыми достигается практичность жаргонов, грубы; как правило, их выбирают наугад подростки или примитивные личности, не искусные в сложном искусстве создания языков, зачастую мало к нему способные или вовсе не интересующиеся языками.

Конечно, я не стал бы сейчас цитировать “детские” фразы на анималике, если б не понял еще в те времена, что его создатели вовсе не стремились к сохранению тайны. Всякий, кто бы ни пожелал, мог выучить их язык. Они говорили на этом языке отнюдь не ради того, чтобы озадачить или обмануть взрослых. И вот здесь мы наконец обнаруживаем нечто новое. Оказывается, что в данном случае радость доставляет вовсе не принадлежность к тайному сообществу, не посвященность в тайну. Что же тогда? Я полагаю, использование - причем исключительно ради собственного удовольствия и развлечения - лингвистических способностей, которыми дети так щедро одарены и которые проявляются в полной мере, когда они учат новые языки.

Лингвистический дар - способность к созиданию так называемых членораздельных звуков - имеется у всех людей: каждый из нас выучил по меньшей мере один язык с чисто практической целью. И у некоторых этот дар развит лучше, что приводит к появлению не только полиглотов, но и поэтов, тех, кто поглощает, как гурман, лингвистические ароматы, кто изучает и использует языки, кто находит удовольствие в подобном занятии. И кроме того, этот дар связан с более высоким искусством, о котором я сейчас и веду речь и которому, пожалуй, следовало бы именно сейчас дать определение. Вот искусство, для которого воистину жизнь недостаточно длинна: созидание воображаемых языков, причем сугубо или в основном с целью порадовать или развлечь самого создателя или возможного критика, если таковой появится.

Однако я несколько отвлекся и предвосхитил конец лекции, в то время как, развивая свою тему, намеревался медленно и постепенно продвигаться от самых примитивных способов создания языков ко все более высоким ступеням этого искусства.

Мне довелось познакомиться с несколько более изящными творениями, нежели анималик. Подходящий пример следующей стадии развития подобного искусства - творение одного из тех, кто входил в содружество говорящих на анималике: новый язык, называвшийся невбош, или “Новая Чушь”. К сожалению, сейчас я могу вспомнить только один довольно глупый связный фрагмент на невбоше:

ḡḡḡḡḡḡ ḡḡḡḡ : ḡḡḡ ḡḡḡḡḡḡ : ḡḡḡ

традиционных областях, только и может привлечь наше внимание к этим примитивным фрагментам.

Несомненно, главный источник удовольствия - созерцание связи между звучанием и значением. Можно отметить, что сродни этому - величайшее наслаждение, какое иногда получает человек при знакомстве с поэзией или изысканной прозой на иностранном языке, который он либо только-только начинает постигать, либо уже достаточно хорошо знает. Разумеется, ни одним мертвым языком нельзя овладеть, как родным: никто никогда не сумеет ни постичь до конца смысловой стороны мертвого языка, ни в полной мере понять, как изменялись значения его слов со временем. Но тем, кто изучает мертвые языки, дана взамен этого необыкновенная свежесть восприятия формы слов. Поэтому даже в кривом зеркале нашего невежества в вопросах произношения мы, возможно, способны именно через форму слов различить великолепие, скажем, древнегреческого языка Гомера гораздо яснее, чем его современники, хотя многие другие элементы поэзии при этом, должно быть, ускользнут от нашего внимания.

Да, именно утонченность формы слова должна появиться на следующей после все еще примитивного невбоша стадии. К несчастью, все, что находится выше этой второй ступени, сложно подкреплять примерами, поскольку именно здесь бурный поток лингвистических игр, как правило, уходит под землю. Большинство одержимых, наигравшись, оставляют это занятие в угоду другим, всеобъемлющим интересам: одни переходят к поэзии, прозе, живописи; иные предаются более безыскусному времяпрепровождению (крикет, моделизм и тому подобные забавы), третьих одолевают повседневные заботы и хлопоты. Те немногие, которые все еще продолжают идти вперед, становятся скрытными, стыдятся того, что тратят драгоценное время на личные удовольствия, и прячут от мира плоды своих трудов. Да и вообще это хобби не слишком выгодное: нельзя получить приз, выиграть состязание (пока), смастерить рождественский подарок для тетушки (как правило), добиться стипендии, чьей-то дружбы или признания. Подобное занятие - как поэзия - вступает в противоречие с исполнением всевозможных обязанностей и вызывает угрызения совести, ибо оно занимает время, которое надлежит посвящать поискам хлеба насущного, саморекламе и продвижению по службе.

Видимо, все это послужит мне некоторым оправданием, поскольку теперь я буду все больше и больше говорить о себе.

Наффарский язык - следующая ступень, которую я хочу вам представить, - мое личное творение, созданное в те времена, когда занятия невбошем подходили к концу. В наффарском нашли свое воплощение некоторые мои личные пристрастия, направляемые, что неизбежно, теми или иными случайно приобретенными знаниями, но появившиеся, вообще говоря, отнюдь не в процессе учебы. Наффарская фонетическая система сильно упрощена и не схожа с фонетикой родного, то есть английского языка, разве что не включает в себя совершенно чуждых английскому языку звуков. Имеется также грамматика: средства ее выбраны опять-таки согласно моим собственным вкусам. Вот небольшой фрагмент по-наффарски:

**O Naffarínos cutá vu navru cangor
luttos ca vúna, tíéranar
dana maga tier ce, vru encá vún' farta
once ya merúta vúna maxt' amámen.**

Если на время забыть о воздействии родного английского языка, то можно заметить в наффарском влияние испанского и латыни, что проявилось и в выборе звуков и звукосочетаний, и в общей форме наффарских слов. Однако это не мешает выражению индивидуального вкуса: в

ᠠᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ : ᠶᠢᠰᠤᠨ ᠶᠢᠰᠤᠨ : ᠶᠢᠰᠤᠨ ᠶᠢᠰᠤᠨ ᠶᠢᠰᠤᠨ

те годы я был знаком также с французским, немецким и греческим, но эти языки при создании наффарского не использовались или почти не использовались; а вот кое-какие мои фонетические пристрастия дали о себе знать, правда, главным образом через неприятие некоторых характерных английских звуков (w, th, sh, j). Позволить себе подпасть под влияние того или иного языка - это уже вполне очевидный личный выбор создателя. Наффарский определенно являет собою продукт "романского" периода. Ну и, пожалуй, хватит о нем на сегодня.

Отныне вам придется прощать мне безраздельный эгоцентризм. Все последующие примеры я вынужден буду заимствовать исключительно из личного опыта. Маленький человек, интересовавшийся способами выражения связей между словами, открыл мне слишком мало для того, чтобы я мог рассказывать о его трудах. А я бы хотел показать вам, какое удовольствие может доставить это захватывающее, очень домашнее, личное, многогранное искусство, равно как и предоставить повод к дальнейшим дискуссиям (более содержательным, нежели обсуждение вопроса о том, в своем ли уме люди, практикующие подобное хобби).

Я предложу вашему вниманию по крайней мере один язык, который, по мнению или, скорее, по ощущению его создателя, достиг высшей степени совершенства, воплощенного как в абстрактной красоте слов, так и в изысканности связей между их звучанием и значением, не говоря уже о филигранной грамматике и о гипотетическом историческом фоне (ибо в конце концов создатель языка понимает, что ему необходим исторический фон - и для того, чтобы отдельные слова обрели нужную форму, и для того, чтобы все творение в целом казалось связным и непротиворечивым). Кроме того, я полагаю, что для создания совершенного воображаемого языка нужно хотя бы в общих чертах разработать сопутствующую ему мифологию. Не только потому, что любые поэтические примеры должны принадлежать некоей традиции, более или менее развернутой, но и потому, что созидание языка и сотворение мифологии - изначально взаимосвязанные и протекающие одновременно процессы; чтобы придать индивидуальность своему языку, его нужно ввести в ткань определенной мифологии: индивидуальной, но не вступающей в противоречие с общими принципами человеческого мифотворчества, - точно так же, как и звучание слов, характерное для вашего языка, должно оставаться в пределах естественной человеческой и даже, наверно, европейской фонетики. А кроме того, истинно и другое: создавая язык, вы неизбежно получите мифологию.

Но вернемся собственно к языку: лично меня здесь больше всего интересуют, наверно, форма слова как таковая и взаимосвязь звучания слова с его значением (так называемое фонетическое соответствие). Мне всегда хочется постараться понять, если только такое возможно, что в этом единстве смысла и символа традиционна, а что - следствие личных склонностей и пристрастий, то

есть личного лингвистического нрава, который, как я смею предположить, имеется у каждого человека.

Конечно, есть и другие любопытные задачи, которыми может заниматься творец воображаемых языков. Например, чисто филологические (это работа, необходимая при создании языка, но увлекательная и сама по себе): скажем, на псевдоисторическом фоне проследить происхождение того или

ᄃᄂᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ : ᄃ ᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ :

инога слова от его более древних форм (о которых имеется некоторое общее представление); или же, постулировав определенные тенденции развития языка, выяснить, как изменится форма его слов с течением времени. Или можно решать грамматические и логические - то есть более абстрактные - задачи: к примеру, почти или вовсе не утруждая себя ни фонетикой, ни фонетическими соответствиями, заняться классификацией лексики и разрабатывать разные простые, изящные и эффективные способы установления связей между словами. В этом случае иногда удается создать новый, порой замечательно действенный метод - правда, из-за того, что ваши далекие предки повсеместно и столь долгое время занимались теми же экспериментами, вам вряд ли удастся придумать что-нибудь совершенно новое, такое, что прежде не встречалось никогда и нигде; но это не должно вас тревожить. Ведь вам даже далеко не всегда доведется об этом узнать; и уж, в любом случае, вы, действуя намеренно и сознательно, а потому более прозорливо, обретете тот же творческий опыт, какой был достоянием многих безымянных гениев, изобретателей виртуозно подобранных элементов традиционных языков, которые впоследствии стали использовать (зачастую грубо и невпопад) их менее одаренные сородичи.

Теперь, полагаю, что, невзирая на некоторую неловкость, мне более невозможно оттягивать явление на свет плодов моего усердного труда - лучшего из того, что я сумел сотворить, работая в краткие часы досуга, урывками. Прекрасные фонологические системы, пылящиеся в ящиках письменного стола, сложные и при том столь радующие мою душу, - источник того немногого, что мне известно о разработке фонетической структуры языка, соответствующей моим личным вкусам, - вряд ли будут вам интересны. Поэтому я хочу предложить вашему вниманию стихи - стихи, написанные на языке, который воплотил в себе и в то же время закрепил мои личные склонности. Язык подобен мифологии: вначале создатель творит мифологию по своему вкусу, а после она сама начинает направлять его воображение и берет своего создателя в плен.

Oilima Markirya

Men kenuva fáne kirya
métima hrestallo kira
i fairi néke
ringa súmaryasse
ve maiwi yaimië?

Man tiruva fána kirya,
wilwarin wilwa,
ëar-kelumessen
rámainen elvië,
ëar falastala,
winga hlápula,
rámar sisílala,
kále fifirula?

Man hlaruva rávëa síre

Последний Ковчег

Кто увидит белый корабль,
покидающий последний берег,
неясных призраков
в холодном лоне его,
плачущих, как чайки?

Кто будет смотреть на белый корабль,
бабочку, бьющую
в кипении морей
крыльями, подобными звездам,
на бурлящее море,
на летящую пену,
на сияющие крылья,
на умирающий свет?

Кто услышит ветер, шумящий,

ᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠ : ᚠᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠᚠᚠ :

ve tauri lillassië,
ninquiu karkar yarra
isilme ilkalasse,
isilme pikalasse,
isilme lantalasse,
ve loikolikuma;
raumo nurrua,
undume rúmala?

как многолистные леса,
белые рифы, рычащие
в свете луны мерцающей,
в свете луны меркнувшей,
в свете луны падающей,
похожей на свечу мертвых,
ревущую бурю,
колышашуюся бездну?

Man kenuva lumbor na-hosta
Menel na-kúna
ruxal' ambonnar,
ëar amortala,
undume hákala,
enwina lúme
elenillor pella
talta-taltala
atalantië mindoninnar?

Кто увидит собирающиеся тучи,
небо, клонящееся
к рушащимся холмам,
вздымающееся море,
разверзающуюся бездну,
древнюю тьму,
из-за звезд
падающую
на павшие башни?

Man tiruva rákina kirya
ondolisse morne
nu fanyare rúkina,
anar púrëa tihta
axor ilkalannar
métim' auresse?
Man kenuva métim' andúne?

Кто будет смотреть на разбитый корабль
на черных камнях
под растерзанным небом,
на блеклое солнце, скользящее
по белеющим костям
в последний день?
Кто увидит последний закат?

Комментарии Хатуля:

[1] Оригинальное название: "A Secret Vice". Опубликовано в сборнике "The Monsters and the Critics and other essays."

[2] Это явно неверно. В 1920 году в "Клубе эссеистов" при Эксетерском Колледже Оксфорда Толкиен прочел "Падение Гондолина" (да, да, именно в качестве эссе). Среди слушателей были и молодые студенты Невилл Когхилл и Хьюго Дайсон; 11 лет спустя они вошли в литературный союз "The Inklings", в котором участвовали Толкиен и Клайв Льюис... [Об этом упоминают биографы Толкиена - Х. Карпенгер, Д. Гротта].

[3] Два человека, придумавшие "Анималик" - двоюродные сестры Толкиена, Марджори (1891-1973) и Мэри (1895-1940) Инкльдон. Биограф Толкиена, Хэмфри Карпенгер, рассказывает, что Рональд выучил этот язык, живя в деревне у их

ἰῃṬḄ ꝑἰṰṬḄḄ : ἰῃṬḄ ṬḄḄṬḄḄ : Ḅ

родителей на каникулах (по-видимому, лет ему было тогда около 13). Позднее Марджори потеряла интерес к языкотворчеству, а Мэри вместе с Рональдом (Толкиеном) вдвоем придумали Невбош, пример которого - ниже.

[4] фрагмент на языке Невбош является переводом следующего англ. лимерика (опубликовано в "J.R.R. Tolkien, A Biography", by Humphrey Carpenter):

*There was an old man who said, "How
Can I possibly carry my cow?
For if I were to ask it
To get in my basket,
It would make such a terrible row!"*

В русском переводе (перевод Хатуля):

*Некий старец сказал: "Право слово,
Как, скажите, нести мне корову?
Я ей место отвел бы
в уголке своей торбы,
но на это посмотрят сурово!"*

[5] Rogo - "спрашиваю" (лат.); ego - "я" (лат., греч.); homo - "человек" (лат.); parler - "говорить" (франц.); timo - "боюсь" (лат.). Слово "lint" особо интересно, т.к. из языка Невбош оно проникло в святая святых языкотворчества Толкиена - квэнья: Ye'ni, ve linte yuldar... "долгие годы, как быстрые воды"... (песня Галадриэли). Следуя взрослому Толкиену в анализе слов Невбоша, мы найдем еще немало сходства с "естественными" языками: так, "woc" - явно "cow" наоборот...

Примечания редактора:

В данном варианте опущены некоторые специфические характеристики языка Невбош, стихотворения Nieninque, Earendel, Earendel at the Helm и один безымянный стихотворный отрывок, а также словарь использованных в "Последнем Ковчеге" эльфийских слов.

Если наших читателей заинтересуют эти фрагменты, мы опубликуем их в одном из следующих номеров журнала.

Б. Жуков

Охота на эльфов

Зачем интеллектуалы не любят книги Толкина? Полемика со статьей, вышедшей год назад, всегда выглядит довольно глупо, напоминая известную песенку о молчунах-троллях. Поэтому я прошу всех, в чьи руки попадет этот текст, либо начинать сразу со второй его части, либо поверить мне на слово, что мною движет не желание переубедить автора давней публикации или его возможных читателей, но некий вопрос, на который я уже давно ищу и не нахожу ответа. А статья, о которой пойдет речь в первой части, просто была последней каплей, заставившей меня задать этот вопрос вслух.

I

Одно из наиболее известных произведений Клайва Льюиса - друга Толкина и коллеги его по литературному кружку "Инклинги" - написано как советы старого опытного черта Баламута своему племяннику - начинающему искусителю. Советы эти чрезвычайно разнообразны, специфичны для каждой ситуации. Иногда Баламут подчеркивает, что успеха можно добиться, выбрав любой из противоположных способов действия или даже применяя их одновременно. И только один универсальный прием рекомендуется им для всех ситуаций без исключения: смешивать и затуманивать понятия, подменять одно другим и не позволять подопечному выделять какую-то определенную идею или предмет и основательно их обдумывать. Причем, по мнению Баламута, совершенно не обязательно заменять божественное дьявольским - достаточно, к примеру, чтобы человек, думая о своей матери, больше заботился о спасении ее души, чем о ее здоровье.

Этот настойчивый совет невольно вспоминается при чтении статьи Константина Заводских "Сага про хитрую Элберет и простодушных Гимли" ("Сверхновая американская фантастика", декабрь 1994 г.). И дело даже не в том, что название статьи в дальнейшем никак не соотносится с ее текстом.

Куда интереснее то, что потратив весь первый "фрагмент" (так автор обозначает отдельные части статьи) на формулировку вопроса - почему именно книги Толкина породили столь массовую, сложную и разнообразную деятельность их поклонников, которой не наблюдалось у почитателей иных литературных кумиров? - и объявив, что "данная статья является попыткой ответа на этот вопрос", г-н Заводских больше к нему не возвращается на всем протяжении своего сочинения. Вместо этого он переходит вдруг к проблеме соотношения перевода с авторским текстом. От нее он тоже делает неожиданный скачок в сторону (правда, с последующим возвратом): на основании ряда литературоведческих работ и воспоминаний о Толкине он делает вывод, что "во "Властелине Колец" автор все-таки выразил свое отношение к реалиям нашего мира". Надо признать, что это утверждение абсолютно неоспоримо, ибо слово "реалии" может означать что угодно. Что и демонстрирует г-н

ᐃᐃᐃ ᐅᐃᐃᐃ ᐅᐃᐃᐃ ᐅᐃᐃᐃ : ᐃᐃᐃᐃ ᐅᐃᐃᐃ :

Заводских, приводя в качестве одного из доказательств этого тезиса записанные кем-то слова Толкина: “Гэндальф - ангел”. Видимо, ангелы - это одна из характернейших “реалий нашего мира”...

Впрочем, из дальнейшего текста выясняется, что сам-то г-н Заводских имеет в виду вполне четкую и однозначную интерпретацию этого термина. Настолько четкую, что для дальнейшего изложения он вынужден что-то сказать по поводу упорных протестов Толкина против истолкования его текстов как аллегорических. Прочитав кристально-ясное рассуждение Профессора о разнице между аллегорией и применимостью, критик заявляет, что из этого отрывка понять эту разницу невозможно (хотя на взгляд непредубежденного читателя ее как раз довольно трудно не понять), а более определенно Толкин не высказывался. А посему, дескать, можно считать, что это одно и то же, но раз уж Толкину почему-то не нравится слово “аллегория”, из уважения к нему г-н Заводских согласен называть ее “применимостью”. Вот так: некто говорит, что у него дома нет никакого кролика, а есть собака - ладно, уважим его и будем считать, что его кролика зовут Собака!¹

Поддав возможное сопротивление автора, г-н Заводских возвращается к проблеме добросовестности переводчиков -конкретно А. Кистяковского и В. Муравьева. Уличив их (вполне справедливо) во множестве искажений как буквы, так и духа подлинника, он останавливает внимание на одном, систематическом - тщательном искоренении из текста упоминаний о “расе”, “породе”, высокородности; замене “древней крови” на древнюю культуру и т. п. Приведя точные переводы ряда приглаженных таким образом мест из трилогии² и рассматривая книги Толкина в целом как аллерию нашего мира, г-н Заводских заключает: сочинения Толкина пронизаны идеей жесткого разделения персонажей на “плохих” и “хороших”, а последних - на “высших” и “низших” по факту рождения. При этом “высшим хорошим” прощается все, а в отношении “плохих” все дозволено. И -горжествующий вывод (честь сформулировать который г-н Заводских почему-то переуступает своему англоязычному единомышленнику В. Шепсу): “Если мы попытаемся перенести моральные критерии, присущие трилогии, на наш реальный мир, то обнаружим, что они подпадают под определение патерналистических, реакционных, антиинтеллектуальных, расистских, фашистских”.

Вывод этот, судя по редакционному предисловию к сборнику и некоторым намекам самого г-на Заводских, должен ошеломить любителей книг Толкина. Увы, он им не просто хорошо знаком - он им осточертел. Можно с текстом в руках доказать, что основан он на недоразумениях, на произвольной (а то и прямо некорректной) интерпретации текста, на невесть откуда взятых предположениях и невесть в чем состоящих аналогиях...³ Но зачем? Завтра еще какой-нибудь ничего не знающий о своих предтечах критик порадует мир своим потрясающим открытием: оказывается, ваш хваленый Толкин - расист, авторитарист и обскурант!

II

Вот мы и подошли к тому, ради чего писались эти заметки.

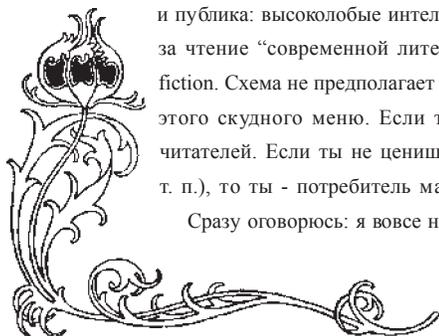

זָּרְחַח יִרְמָא ~: יִיב יִבְרָח : יִרְמָא

Дело не в том, что выводы г-на Заводских и ему подобных (имя же им легион) неверны. Дело в том, что они неверны очевидно, вопиюще, неверны настолько, что это то и дело ставит их авторов в неловкое положение. Достаточно посмотреть хотя бы, каким недоумением завершается предпринятое г-ном Заводских сравнение Теодена и Денетора или как он, касаясь вопроса об отношении героев Толкина к побежденным, приводит единственную не противоречащую его концепции фразу из приложения и при этом начисто игнорирует несколько подробно прописанных эпизодов основного текста, полностью эту концепцию опровергающих. Для того, чтобы не заметить столь явные несообразности, нужно или быть слабоумным (но слабоумный не в состоянии написать такой связный и стилистически гладкий текст) - или очень не хотеть их видеть. А удручающая воспроизводимость этого нежелания вынуждает признать: для него есть какие-то внеличностные, общие для многих людей причины. Какие же? Что мешает нормальным, развитым и, вероятно, психологически весьма разным людям воспринять простой и ясный текст, что заставляет их искать в нем несуществующее мракобесие?

Здесь мы покидаем твердую почву доказуемых утверждений (к которым относится все изложенное выше) и вступаем в такую область, где утверждения могут более или менее походить на истину, но никто и никогда не сможет сказать, насколько они ею являются. Тем не менее попробуем поискать ответы на поставленные вопросы, так как для человека с непредвзятым восприятием сочинения типа статьи г-на Заводских могут представлять интерес только в связи с ними.

Начнем с материй, вроде бы не имеющих прямого отношения к предмету нашего разговора. В последние лет 100 - 120 лет европейское искусство (и художественная литература в частности) в непрестанной борьбе добилось свободы абсолютно от всего: религии, идеологии, политики, морали, сюжета, формы, норм правописания и в конце концов - от эстетики, а заодно и от публики. "Высокой литературой" ныне именуется исключительно неудобоваримые, намеренно затрудненные для восприятия тексты, которые невозможно не только читать для собственного удовольствия, но и просто понять без специальной подготовки (что наиболее откровенные идеологи этого искусства признают и даже ставят ему в отдельную заслугу). Поскольку людей, желающих разгадывать подобие ребусы, не так уж много, искусство такого рода дополняется "массовым искусством" - столь же свободным от ценностно-эстетических требований, но зато обладающим жесткими канонами в области формы и если не вовсе пустым, то весьма банальным по содержанию. Соответственно разделена и публика: высоколобые интеллектуалы (значительная часть которых получает зарплату за чтение "современной литературы" и размышления о ней) и быдло, жующее pulp fiction. Схема не предполагает ни середины, ни чего-то третьего, лежащего за пределами этого скудного меню. Если ты пишешь не для толпы, то - для профессиональных читателей. Если ты не ценишь бесформенных нагромождений слов (звуков, красок и т. п.), то ты - потребитель масс-культуры.

Сразу оговорюсь: я вовсе не собираюсь обличать "свернувшее не туда" современное искусство или призывать вернуться в прошлое. У произошедших изменений были свои причины,

Λήθη : ἰατρικὴ τῆς : ἰστορίας ῥη :

глубокие и веские, да и в любом случае история не имеет обратного хода - никто уже не может писать так, словно литературы XX века не существовало. Главная беда -не в самом “новом искусстве” и его модели взаимоотношений с обществом, а в его претензиях на универсальность, в присвоении им монополии на титул художника и права ссылать всех несогласных и просто иных в масс-культуру. Именно эти претензии оказываются ущемлены всякий раз при появлении истинно художественного произведения. Но поскольку не существует разумных аргументов в пользу того, что книга умная обязана быть скучной, а занимательная -глупой (и более того - “избранные”, подобно пациентам Зигмунда Фрейда, отчаянно сопротивляются самому осознанию истинных причин своего раздражения), то неприятие самого духа произведений преподносится (и, вероятно, искренне воспринимается) как рациональная критика тех или иных его качеств. Выдвигаемые такими критиками аргументы могут быть, как мы видели, абсолютно несостоятельными, вздорными и попросту смешными, но тем не менее вновь и вновь выдвигаются самими разными людьми против самых разных произведений и авторов. Так клинические алкоголики очень часто страдают бредом ревности, независимо друг от друга приводя одни и те же вздорные “доказательства” неверности своих жен. Ясно, что причину подобных совпадений надо искать не в реальном поведении несчастных женщин, а в общем для “обвинителей” комплексе вины за собственный порок.

Мало кто помнит, но ведь в свое время в праве зваться истинным искусством многие критики (иных из которых трудно заподозрить в самодовольном невежестве или отсутствии вкуса) отказывали фильмам Чарли Чаплина и даже кинематографу как таковому. Позднее на том же основании от искусства пытались отлучить джаз, потом рок; до сих пор - даже после Норштейна - недополучила признание кем-то когда-то приписанная к детским аттракционам анимация. В нашей стране в “профанную культуру” разными критиками (я не имею в виду профессиональных ревнителей соцреализма - они и слов-то таких не знали) зачислялись Ильф и Петров, Булгаков, Шварц, Стругацкие, Высоцкий (и вообще вся авторская песня), Гайдай, Рязанов, Жванецкий...Так что профессор Толкин попал в России в весьма неплохую компанию.

Проблема соотношения поэтики Толкина с принципами “новой литературы” требует отдельного и очень большого разговора. Здесь же достаточно отметить, что книги Профессора представляют собой сильнейший художественный аргумент против идеи равноправия добра и зла, против романтизации и эстетизации зла, против презрения ко всему естественному и общепринятому, против

морального релятивизма и интеллектуального апартеида. А сочинения некоторых “независимых интеллектуалов” есть не что иное как попытка если не опровергнуть этот аргумент, то хотя бы уклониться от согласия с ним - в полном соответствии с рекомендациями дядюшки Баламута.⁴

ᠮᠣᠨᠤ ᠮᠣᠨᠤ ᠮᠣᠨᠤ : ᠶᠢᠰᠤᠨ ᠨᠢ ᠶᠢᠰᠤᠨ ᠶᠢᠰᠤᠨ

Примечания

1. Если человек даже после специального и очень внятного разъяснения не может уловить разницу между значениями двух отнюдь не экзотических слов своего родного языка - стоит ли ему вообще браться за литературные штудии? Но попробуем все-таки втолковать что-то тому, кому не смог ничего объяснить один из крупнейших филологов и писателей XX века. Аллегория - это когда автор, сочиняя свой опус, сам подразумевает под своими персонажами вполне конкретные реальные события, реальных людей и т. п. Применимость же - это когда сочиненные автором характеры, ситуации и т. п. узнаются во многих и разных реальных случаях, о которых автор может и не знать. В бесчисленных эпиграммах середины прошлого века именем “Бавий” обозначался вполне конкретный человек - князь Петр Андреевич Вяземский, ни к кому другому они просто неприложимы. А вот когда вы о ком-нибудь говорите “это Манилов” или “это Обломов”, то ясно, что Гоголь с Гончаровым, работая над своими книгами, не могли иметь в виду ваших знакомых. Между тем подобные характеристики не только избавляют ваших собеседников от длинных описаний чьего-то характера, но и сразу многое объясняют. При этом аллегория и применимость отнюдь не обязаны исключать друг друга. Иван Андреевич Крылов сочинял “Кота и Повара” именно как аллереорию на уступчивость русской дипломатии по отношению к Наполеону. И все его тогдашние читатели это поняли. Но вот прошло без малого двести лет, Наполеон давно повержен, да и не факт, что Крылов был прав в оценке дипломатов. А басня меж тем жива до сих пор и, видимо, будет жить, пока остается живым русский язык, - именно потому, что кроме аллегории несет в себе еще и широчайшую применимость.

2. Цитаты, подтверждающие выводы г-на Заводских, взяты по большей части не из авторской речи, а из высказываний различных персонажей, в том числе и не слишком симпатичных автору. К сожалению, этот прием прочно прописался в российском литературоведении. Если борцам с рок-музыкой конца 80-х еще напоминали, что глубокомысленное “музыка - это государственное дело, и так оно и должно быть” изрек не Лев Толстой, а Каренин, то сейчас уже никто не сомневается, что сентенции “мировая гармония не стоит слезинки ребенка” и “если бога нет, то все позволено” принадлежат Достоевскому. Между тем, первую из них высказал Иван Карамазов, отвергший на этом основании христианство, а второй в текстах Федора Михальча, строго говоря, нет вообще, но нечто подобное произнес пошляк и убийца Смердяков. Эдак, глядишь, через пару лет доведется прочесть что-нибудь вроде “как сказал Пушкин, нет правды на земле, но нет ее и выше”.

3. Специальная часть для тех, кто не имеет привычки верить на слово: разберем все претензии г-на Заводских к Толкину.

“...читатели, конечно, обратят внимание на то, что плохое в романе исходит с востока, а хорошее с запада”. На самом деле эти понятия в Средиземье так же условны, как и в нашем мире: Лориэн лежит к востоку от занятой орками Мории, резиденция Сарумана расположена к западу от Роана и Гондора и т. д. Но есть и специальное разъяснение Толкина: в Средиземье в полном соответствии с канонами европейского фольклора зло обычно исходило не с востока, а с севера. На севере возвел

ᚱᚰᚱᚰ ᚷᚰᚷᚰ ᚷᚰᚷᚰ : ᚰᚰᚰᚰ ᚷᚰᚰᚰ : ᚰᚰ

свой Ангбанд Моргот, на севере возник Ангмар (победивший в долгом противостоянии Арнор, в то время как на юго-востоке Гондор выстоял под ударами соседнего Мордора). На севере собирался начинать свою плавную войну и Саурон, но этому воспрепятствовали сугубо частные геостратегические обстоятельства. Впрочем, если кто-то совсем уж никак не может обойтись без поиска аллегорий в книгах Толкина, пусть вспомнит, в какие годы они писались и что располагалось тогда к востоку от мест, где жил Профессор...

“То есть, если тебе не повезло с западными генами, то ты, согласно понятиям благородных эльфов и эльфинитов -Дикий. Не жди пощады, парень. Ибо данная концепция в Средиземье служит оправданием для политики тотального геноцида в отношении Диких”. Это уже прямая ложь. Во-первых, в трилогии неоднократно описывается, что делают с побежденными: их разоружают, берут с них клятву не выступать больше против победителей и отпускают по домам, даже не выявляя среди них военных преступников (а что такие есть - см. ответ Теодена Саруману в главе “Голос Сарумана”). Так обошлись с дунландцами (которые, кстати, ждали от победителей именно садистской расправы - видимо, начитавшись г-на Заводских и иже с ним), с харадримцами и т. д. Так бы обошлись и с орками, но у этих существ начисто отсутствует ощущение ценности собственной жизни, и они не сдаются в плен ни при каких обстоятельствах (что ряд единомышленников г-на Заводских упорно пытается толковать как то, что “орков в плен не берут”, хотя текст соответствующих эпизодов не дает к тому ни малейших оснований). При этом так поступают, не советуясь друг с другом, и Теоден, и Арагорн, и это удивляет только самих пленных, но не гондорцев, не роанцев и не посланцев иных народов - т. е. эта процедура абсолютно стандартна. Во-вторых, самые уж что ни на есть дикие люди - аборигены Друаданского леса, племя Хан-Бури-Хана - как раз союзники Роана и Гондора. И роанцы, между прочим, испытывают и проявляют к ним искреннее уважение, а в финале король Людей Запада и наследник нуменорских королей торжественно подтверждает право друаданцев на полную автономию и вечное владение своими землями. На этом фоне домыслы про “политику тотального геноцида” выглядят просто неприлично.

Впрочем, г-н Заводских пытается привести подтверждение своим выдумкам: *“И так сокрушительно был разбит Ангмар, что к западу от гор в том королевстве не осталось ни орка, ни человека”. Орки, аллах с ними, а вот вырезанных ангмарских крестьян жалко*”. Догадаться бы еще, с какого потолка он взял, что в Ангмаре вообще были крестьяне (или хоть кто-нибудь кроме колдунов и грабителей) и что они именно были вырезаны, а не, допустим, бежали. В тексте Толкина никаких оснований для таких допущений найти не удастся, а других источников сведений о Средиземье г-н Заводских не указывает.

И самое главное - насчет “расовой сегрегации в Средиземье”, для доказательства которой г-н Заводских и использует большинство вылущенных из оригинала цитат. Разумеется, свидетельств собственно “сегрегации” (т. е. априорного неравноправия) людских племен в приведенных отрывках найти не удастся. Но многие, в том числе и наиболее симпатичные автору персонажи действительно говорят о потомках нуменорцев с изрядным пиететом. Однако объективное рассмотрение текста вынуждает трактовать это лишь как дань средневековой ментальности, если не стилистике. Во всяком

Ḃḡḡ ḡḡḡḡ : ḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡ : ḡḡḡ

случае, родовитость персонажей никак не коррелирует с их моральными качествами: “высокородный” Нуменор докатился до поклонения Мельюру и вооруженного нападения на Валинор, в то время как “варварский” Роан, в котором нуменорцев вовсе никогда не было, всегда отвергал любые предложения Врага и вообще выглядит куда человечней и благородней, чем Гондор и Нуменор; у Фарамира родословная ровно та же, что и у Боромира, а иерархия ценностей и поведение в решающие моменты - совершенно иные и т. п. Это, между прочим, заметил и сам г-н Заводских, сравнивая Теодена и Денетора. Не будем выяснять, почему хоть и бессмысленное, но добровольное мученичество свидетельствует о трусости решившегося на него (“а вас пугают трудности, вы - мамкины сынки, вы даже из-за трусости готовы в Соловки!” - Ю. Ким). Отметим лишь изумление г-на Заводских, который в попытках объяснить столь явное противоречие между своей концепцией и реальным поведением персонажей смог предположить лишь, что Толкин сам не понял, о чем свидетельствует его собственный текст! Между тем объяснение-то простейшее, лежащее на поверхности: благоговение перед “родовитостью”, “древней кровью” и т. п. испытывают персонажи Толкина, но никак не он сам. Однако если это признать, все домыслы насчет расизма рассыпаются в пыль.

И последнее, чтобы покончить с этой навязшей в зубах темой: приняв методику г-на Заводских, нетрудно доказать, например, что Шекспир был проповедником антииндивидуализма, антигуманизма и расизма. Причем последнее с одинаковым успехом доказывается и для “белого” и для “черного” расизма.

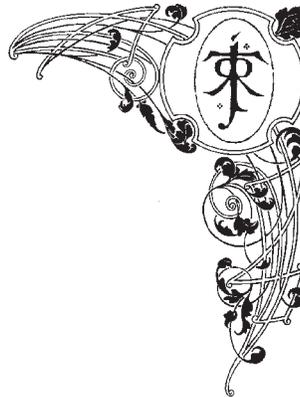
4. Считаю необходимым сделать две принципиальные оговорки. Во-первых, этот вывод не относится к некоторым критикам, писавшим о Толкине случайно и походя, применительно к совершенно другим проблемам и, видимо, оставшихся равнодушными к нему (как Роман Арбитман, в какой-то степени - Илья Смирнов и некоторые другие). Каждый имеет право не воспринимать того или иного автора, как бы хорош он ни был для других читателей. Однако если человек перекапывает огромный иноязычный текст, сверяя нюансы перевода того или иного абзаца или подыскивая в приложениях хоть скольконибудь приемлемую для своей концепции фразу - его трудно заподозрить в равнодушии к этому тексту. У некоторых единомышленников г-на Заводских это равнодушие заходит еще дальше, напоминая фразу героини “Обыкновенного чуда”: “Я скакала за вами четыре дня, чтобы сказать вам, что вы мне все равно что бабушка, да еще и чужая!”.

Во-вторых, я никоим образом не хочу оспаривать некоторые частные выводы пристрастных критиков Толкина. В частности, я считаю правомерным и плодотворным сформулированный г-ном Заводских вопрос о том, почему именно поклонники Толкина развили столь мощную игровую активность, и полностью разделяю его оценку переводческого искусства гг. Кистяковского и Муравьева.

Хель Итилиенская

ВЕЛИКИЕ КОЛЬЦА И ИХ СОЗДАТЕЛИ

*Three Rings for the Elven-kings under the sky,
Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,
Nine for Mortal Men doomed to die,
One for the Dark Lord on his dark throne
In the Land of Mordor where the Shadows lie.
One Ring to rule them all, One Ring to find them
One Ring to bring them all and in the darkness bind them
In the Land of Mordor where the Shadows lie.*
J. R. R. Tolkien. The LORD of the RINGS

Войной Гнева завершилась Первая Эпоха, и Великий Враг Эльфов Моргот Бауглир, некогда звавшийся Валой Мэлко, потерпел поражение и был низвергнут в бездну за гранью Мира, и покада Владыки Запада восседают на своих тронах, не может он возвратиться на Арду в обличье зримом и осязаемом. Но воля его осталась и вела слуг его, первым из которых и самым опасным считался Майя Саурон, ибо узы, что наложил на него Моргот, были чересчур крепки. Оставшись в Средиземье, Саурон видел дикость и запустение мира и думал, что Валар, свергнув Моргота, опять надолго забыли о Внешних Землях. Тогда решил он подчинить своей власти обитателей Средиземья, особенно желал он обольстить Эльфов, могущественных и владеющих великим мастерством. Король Нолдор Гил-галад и Эпронд не верили ему - но в королевстве Эрегиона, где правителем был Келебримбор, охотно внимали речам Аннатара - под этим именем Саурон приходил к Эльфам. Королевство Келебримбора граничило с великим царством Гномов, называвшимся Кхазад-дум, а по-эльфийски - Хазодронд (позднее это царство стало известно как Мория), и между Эльфами и Гномами зародилась небывалая прежде дружба. И в конце концов кузнецы Эрегиона, первым среди которых был Келебримбор, и мастера Кхазад-Дума, среди которых особенно выделялся Нарви, под руководством Саурона создали цепь Великих Колец:

“Три Кольца - владыкам Эльфов под небесным сводом;
Семь Колец - искусным Гномам во дворце подгорном;
Девять - Людям Средиземья, на смерть обречённым...”
(пер. Н. Эстэль).

Но Саурон тайно сотворил ещё одно Кольцо - позже назовут его Единым, или Кольцом Всевластья, - чтобы повелевать прочими Кольцами. Мощь их была связана с его мощью и существовала до тех пор, пока существовало Единое... Закончилось всё это новой войной, в результате которой Келебримбор погиб, а всеми Кольцами, за исключением Трёх Эльфийских, завладел-таки Саурон. Он извратил их сущность, так что на них легло проклятие, и Гномам их Семь Колец ничего хорошего не принесли, а Люди, которым достались Девять, и вовсе стали Чёрными Призраками и рабами Саурона. Лишь Три оставались чисты, и было им дано исцелять раны, наносимые миру. Но и они оказались в зависимости от Единого Кольца, и потому Эльфы никогда не пользовались ими до той поры, пока Единое оставалось на руке Саурона...

Прошу понять меня правильно! Это всего лишь - пересказ “Сильма” (лишь имя Нарви взято мною из UT), со всеми его эпическими переклестами и идеологическими перекосами, со свойственной Толкину “системой двойного стандарта”, когда очерняется “та” сторона, а “нашим” даже за самое гнусное преступление легонько грозят пальчиком и говорят: ступайте и впредь не грешите. Толкин - христианин, и потому для него Сатана (здесь - Мэлко) изначально виновен и оправдания не заслуживает, а все, кто служит Сатане, естественно, преследуют лишь низменные и своекорыстные цели. Я же верую исключительно в факты и логику и попытаюсь представить свою версию этой истории, именно основываясь на сообщаемых Профессором фактах. Не истории Колец - пусть дивно красивые и даже магические, но всего лишь бездушные побрякушки, сами по себе Кольца не привлекли бы моего внимания. Гораздо сильнее интересуют меня судьбы главных их создателей - Келебримбора и Саурона.

И начну я с Келебримбора.
Большинству моих знакомых средиземцев известно о нём настолько мало, что ему симпатизируют как на Светлой, так и на Тёмной стороне. Те и другие считают его “своим”, те и другие подозревают, что погиб он за ИХ правое дело. Попробуем разобраться, кто же из них прав?

По крупицам, сопоставляя разные источники, можно попытаться составить краткую биографию Келебримбора. Изъясняясь в библейской манере, Финвэ родил Фэанора. Фэанор родил Куруфина и братьев его. Куруфин родил Келебримбора... Как мы помним всё из того же “Сильма”, мучимый раскаянием за сожжение эльфийских кораблей в Лосгаре, старший сын Фэанора Маззрос отказался от владычества над Нолдор, и с тех пор наследники Фэанора стали зваться Отлучёнными. Позже два сына Фэанора - Келегорм и Куруфин попытались исправить содеянное старшим братом, воцарившись сперва в Нарготронде, а потом, добившись от Тингола согласия на брак Келегорма с Лютиэн, стать могущественнейшими среди принцев Нолдор. План их потерпел фиаско, братья были изгнаны из Нарготронда - и так велико было отвращение окружающих к их чёрным делам, что никто из Нолдор не последовал за ними и даже сын Куруфина Келебримбор отрёкся от родного отца. Когда же Орки, предводительствуемые Глаурунгом, разгромили Нарготронд, Келебримбору удалось остаться в живых и добраться до Гондолина. Уже в Потаённом Королевстве он снискал себе славу как великий мастер, создав вместе с Энердиллом волшебный камень Элессар для дочери Тургона Идрил (потом, по просьбе Галадриэль, он повторил эту работу - и именно этот, второй Элессар позже получил от Галадриэли Арагорн). Когда же под ударами Тёмных сил пал и Гондолин, Келебримбор с остатками его жителей переехал на юг, к устью Сириона, где уже обосновались беглецы из разгромленного Дориата.

Как нам известно, никто из Эльфов Белерианда не принимал участия в Великой Битве - только валинорские Нолдор и Ванъяр. Сокрушив Моргота и уничтожив Твердыню Севера, войско Валинора возвратилось назад. С ним же отправились на Запад и те из нолдорских мятежников, кто, будучи прощёнными Валар, пожелал вернуться в Благословенные Земли. Но были и такие, для кого было “лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме”, - в их числе, прежде всего, тщеславная Галадриэль со своим мужем Келеборном, Гил-галад (здесь короля Нолдор-изгнанников, в Валиноре его ждало лишь прозябание при троне настоящего короля Нолдор Финарфина), Элронд (полукровке, ему тоже в Валиноре нечего было ловить) и, разумеется, Келебримбор. Согласно одному из толкиновских черновиков, остался он из-за безответной любви к Галадриэль. Сперва эти добровольные изгнанники обитали на берегу моря, у залива Линдон. Вероятно, мирное сосуществование давалось им нелегко, потому что некоторое время спустя часть из них, предводительствуемая Келебримбором (в основном это были мастера-кузнецы, которых называли ещё Гвайт-и-Мирдайн, Братство ювелиров), отправилась на восток и обосновалась в Эрегионе.

Это представляется уже занятным. Почему Келебримбор не сумел ужиться со своими родичами и соплеменниками? Быть может, Гил-галад, памятуя об амбициях Куруфина, опасался притязаний его сына на владычество над Нолдор? Не такими уж беспочвенными были его опасения: правители Нолдор снискали себе славу не только боевыми заслугами - война, как известно, преходяща, - но высоким эльфийским мастерством! И кузнец Келебримбор пользовался среди части Нолдор вполне заслуженным авторитетом. Гил-галад же (есть такое нехорошее подозрение, подтверждённое - точнее, не опровергнутое - документами!) ни на что полезное, кроме как мечом махать, способен абсолютно не был. Занятие, конечно, весьма королевское - но в мирное время никому как-то не нужное. Так что Келебримбор для него являлся естественным - и весьма опасным соперником, от которого Гил-галад при первом же удобном случае был, разумеется, непрочь избавиться. Ну, о конфликте Келеборна и Келебримбора и говорить нечего: ревность - страшная штука! Хотя ни Келебримбор, ни Галадриэль никакого повода для ревности ему, как будто, не давали - но у страха, как известно, глаза велики; и Келеборн тоже был бы непрочь выжить соперника из Линдона.

В подобных условиях, даже если бы у Келебримбора не было собственных определённых оснований (мы ещё вспомним о них!) сделать своим родичам ручкой, самым разумным для него было бы не дразнить гусей и удалиться в сторону... противоположную морю. С Келебримбором отправились на восток его друзья и единомышленники. Вряд ли их было много - после всех войн Белерианда Нолдор-изгнанников вообще оставалось раз-два и обчёлся, да и из тех добрая половина возвратилась в беспечальный Валинор. Поэтому хотя “основанное Гвайт-и-Мирдайн Королевство Эльфов Эрегиона” звучит весьма громко, на деле это королевство представляло собой один-единственный город - Ост-ин-Эдил среди лесов восточного Эриадора.

Именно в этот Ост-ин-Эдил и появился в конце концов Саурон.

Тут надо сделать маленькое отступление.

Многим свойственно огульно обвинять силы Тьмы. Вот и на Саурана обыкновенно торопятся

ᚢᚱᚱᚰᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱ ᚱᚱ : ᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱ

навесить ярлык: власти над миром, мол, вслед за Морготом захотел, поработить свободные народы старался! При этом совершенно забывается, что Саурон бездействовал почти тысячу лет, предоставив Светлым Валар возможность хоть палец о палец стукнуть ради Эндорэ, которая, согласно “Сильму”, после Войны Гнева (опять же таки развязанной отнюдь не Сауроном!) лежала в дикости и запустении. Но Валар за это время так и не вспомнили о существовании Сирых Земель. Полагаю, Саурона это не удивило. Полагаю, что именно подобного развития событий он и ждал: эгоизм Валар и пренебрежение ко всему, что не касалось непосредственно их благополучия, были мятежному Майя хорошо известны. Один раз он уже восстал против этого - когда на Заре Мира бежал из сытого и светлого благоденствия Валинора на заброшенную Арду, в неизвестность, в темноту, где “дремлющие леса полнились чудовищами и призраками ужаса”. Вы только не смейтесь, но, возможно, это был единственный Светлый, которому стало СОВЕСТНО сидеть “в блаженстве в свете Древ за Горами Амана”, тогда как в Мире, из любви к которому Духи Эа (и Саурон в их числе) пришли на Арду, “всюду была тьма” и “в долинах и окутанных мраком холмах таились тёмные твари - древние и сильные”. Вот и теперь чем больше он смотрел на заброшенные Сирые Земли, тем сильнее крепло в нём желание щёлкнуть Великих Валар по носу. Дескать, не больно-то вы нам и нужны, с вашими благодеяниями, мы и без вас прекрасно обойдёмся! С этими мыслями он и отправился к Эльфам. Ибо никто, кроме Эльфов, владеющих магией и высоким мастерством, не мог стать ему помощником в его замыслах.

Согласно “Сильму”, Саурон обратился к Эльфам со следующей “прелестной” речью: “Увы, вот слабость сильных! Могуч король Гил-галад, искусен и мудр владыка Элронд, и всё же не помогают они моим трудам. Неужели не мечтают они узреть иные края столь же счастливыми, как их собственные земли? Неужели Средиземье навек останется сумрачным и пустынным, в то время как эльфы могли бы сделать его таким же прекрасным, как Эрессэа или даже Валинор? Если уж вы могли вернуться в Аман и не вернулись, то, полагаю, вы любите Средиземье так же, как люблю его я. Так разве не должны мы вместе трудиться на благо его и всех эльфийских племён, что бродят в этих краях, непричастные к высоте той мощи и знания, которые даны побывавшим за Морем?” В Линдоне его выслушали и... незамедлительно выставили за порог. Профессор утверждает, будто Гил-галад и Элронд оказались настолько проницательными, что не поверили ни его словам, ни прекрасной внешности, хотя и всё знали, кто за ними скрывается. Однако если рассудить здраво, кто бы за этим ни скрывался, с точки зрения любого правоверного Светлого Эльфа, он посягнул на самое святое. Ибо Валинор, средиземский рай, мог быть только один - и все его наслаждения предназначались лишь для одного-единственного народа. Исключительного. Избранного самими Валар. Предложение создать рай для всех, даром, чтобы никто не ушёл обиженным, для правоверных Эльфов звучало кощунственно. Тому, кто явился пред очи Гил-галада с подобными еретическими идеями, не место было во владениях Высоких Элар.

Изгнанный из Линдона, Саурон отправился в Эрегион.

В отличие от Гил-галада и Элронда, которые ни на что полезное, кроме как мечом махать, были неспособны, мастера Эрегиона, по словам всё того же “Сильма”, “неустанно горели желанием совершенствовать искусность и тонкость своих творений”! Да и Келебримбор придерживался более широких взглядов: довелось ему жить и среди Людей, а уж с Гномами Хазодронда его и вовсе связывала тесная дружба. С другой же стороны, Келебримбор на собственной шкуре убедился, что даже принадлежность к богоизбранному народу отнюдь не гарантирует наличия высоких душевных качеств. Поэтому идеи Саурона не только что не вызвали у него внутреннего протеста, но и явились прямым руководством к действию. К тому же, Саурон не просто языком трепал. Сам будучи мастером, он “направлял их труды”, и Эльфы “многому научились от него, ибо мудрость его была велика. В те дни кузнецы Ост-ин-Эдила превзошли все прежние свои творения...” Вершиной же их трудов и стали те самые Великие Кольца, с помощью которых Саурон, как считают Светлые, собиравшись захватить власть над миром. Согласно имеющимся фактам, всю Вторую Эпоху Саурон, ВЛАДЕЯ ЕДИНЫМ КОЛЬЦОМ, никаких глобальных попыток завладеть миром не предпринимал (не считая же попытками те несколько локальных войнушек, большая часть которых была навязана ему Светлыми!) - но почему-то на эти факты никто из обвинителей не обращает ни малейшего внимания.

Предлагаю задуматься над тем, как складывались отношения между Сауроном и Келебримбором. Профессор предлагает нам считать, будто свыше 400 лет Саурон старательно навешивал Келебримбору и всему Гвайти-и-Мирдайн лапшу на остроконечные эльфийские ушки с кисточками (да знаю я, знаю, что уши у них были самые обыкновенные, но очень прикольно выглядит лапша на остроконечных ушках - и поверх неё кисточки торчат!), а Эльфы были такими тормозами, что даже не пытались эту лапшу стряхнуть.

ԿԵԼԵԲՐԻՄԲՈՐ Ի ԴՆԱ ԴՇԵՎՈՐՈՐ . ԲՆԵՄՈՐ

Когда же Келебримбор наконец просёк, что “казачок-то засланный”, Саурон начал войну и Келебримбора вынес. По этому поводу в УТ есть душещипательное описание, как “воинство Саурона... ворвалось в Эрегион. <...> Келебримбор <...> был схвачен и попал в плен, <...> был предан пыткам, и Саурон выведаль у него, где хранятся Семь. Келебримбор выдал их потому, что ни Семь, ни Девять он не ценил так, как Три; Семь и Девять были созданы с помощью Саурона, тогда как Три Келебримбор создал сам, другими силами и для другой цели. <...> О Трёх Кольцах Саурон не смог узнать от Келебримбора ничего; и предал его смерти”. Такие вот дела творились в Эрегионе в середине Второй Эпохи, если верить Профессору.

Но готовы ли вы поверить?

Лично я доверяю исключительно фактам и логике. Поэтому всё вышеизложенное, исходя из логики событий и характеров действующих лиц, представляется мне, мягко говоря, не слишком вероятным. О логике событий мы ещё поговорим. Что же касается характеров, то давайте обратимся к такой упускаемой обычно из виду детали, как имена. О, имена в Средиземье, особенно у Эльфов, имели весьма важное значение. Имянаречению Эльфов у Профессора посвящена целая статья (J.R.R.Tolkien. History of Middle-Earth; vol. 10. Morgoth's Ring) - рискну отослать читателей к ней, побарахтайтесь среди всех этих АНЭССИ, ЭПЭССЭ, АМИЛЭССЭ, ЭССЭКАРМЭ, ЭССЭКИЛМЭ, ЭССИ ТЕРКЕНЪЕ, ЭССЭ АПАКЭНЪЕ и прочих ЛАМАТЪЯВЭ, получите массу удовольствия (если выплывете, разумеется!).

Мы же не будем сейчас вдаваться в подробности эльфийского имянаречения - иначе я и до завтра не закончу, поэтому придётся вам поверить мне на слово, что БЕЗ ПРИЧИН ни одного Эльфа никогда не называли. И, разумеется, имя Келебримбора тоже несёт определённую смысловую нагрузку. Предлагаю разобраться, прежде всего, ЧТО же означает само это имя - Келебримбор? В многочисленных (в том числе англоязычных) изданиях Толкина мне бросилось в глаза, что Профессор буквально НАСТАИВАЛ на том, будто “Celebriamor” (на Высоком Наречии, то бишь Квэнья, “Tuelperinquare”) означает “Серебряная рука” (с его подачи так же трактуют это имя и все составители учебников эльфийского языка, включая и знаменитый “Печкин-Квэнья”). Необъяснимое упорство! Особенно странно оно потому, что на основании ЗАКОНОВ ЭЛЬФИЙСКОГО ЯЗЫКА “Celebriamor” значить “Серебряная рука” НИКАК НЕ МОЖЕТ! “Серебряная рука” звучало бы как “Tuelpemaite” (на Квэнья) и “Celebma” (на Синдарине). А вот имя “Celebriamor”, или “Tuelperinquare”, переводится иначе.

“Celeb-” на Синдарине и “tuelpe-/telep-” на Квэнья - это и впрямь “серебро”; “bor-” и “quare-” - “рука” [в значении “кулак” или “сжатая рука” - ибо просто “рука” называлась “ma” (“mar”), или “maite”, а “ладонь, принимающая что-либо (сложенная чашей)” - “sam”, или “ham” (отсюда прозвище Берена - “Эрхамиион”, “Однорукий”, ибо он лишился, как нам известно, именно “ладони, сложенной чашей <и держащей Сильмарилл>”)]. Но между “серебром” и “кулаком” затесался суффикс “-rim/rimbe-” (“-rin-”). Очень интересный суффикс! Сравните: “naug” - “гном”, “naugrim” - “гномы, народ (то есть “множество”) гномов”, “rohir” - “роханец (дословно “повелитель коней)”, “rohirrim” - “повелители коней” (опять же во “множестве”, как народ). Выражаясь по-научному, “-rim-” - это типичнейший суффикс коллективной множественности (то есть собирающий до кучи массу однотипных предметов). “Celeb” + “rim” означает “множество серебра”, причём именно серебра россыпью. Само собой напрашивается: уж не серебряных ли монет? Итак, “Celeb” + “rim” + “bor” (соответственно “Tuelpe” + “rin” + “quare” на Квэнья) в итоге дают “множество серебра <монет? зажатых> в кулаке (в пригоршне)”. Здесь явно идёт речь о ЦЕНЕ. Чего-то - или кого-то. Подумаем, ЧТО могло оцениваться этой “пригоршней серебра”? Первая аллегория, которая приходит в голову: тридцать сребреников Иуды. Как христианин, Профессор мог считать, что сотрудничество Келебримбора с Врагом схоже с предательством Иуды. Но вряд ли в Средиземье уместны христианские аналогии, да и конец Келебримбора, согласно черновикам самого же Профессора, настолько отличался от истории Иуды, что подобная версия кажется мне притянутой за уши. Поэтому поищем другую.

Но прежде чем искать вторую версию, вспомним, под каким именем Эльфы Эрегиона знали Саурона? Естественно, явившись им в обличье “дивном и мудром”, он никак не мог представиться ни “Сауроном” (“Sauron”, по-эльфийски “ненавистный”), ни “Горт’ауром” (“Gorthaur”, “ужас ужасов”), да эти эльфийские “погоняла” и не являлись его настоящими именами! Когда-то, ещё до своего падения, в Валиноре звался он “Артано” (“Artano”, “Благородный кузнец”) и “Аулэндил” (“Aulendil”, “Любящий Аулэ”). Аулэндилом он поначалу представлялся и в Средиземье. В одной из черновых записей Профессора находим следующее: “Галадриэль не обманулась, сказав, что этого Аулэндила не было среди учеников Аулэ” - и Саурону срочно пришлось менять имя. Тогда появился “Аннатар”. Материалы Толкина дают различные варианты перевода: “Приносящий дары”, “Хозяин даров”, “Даритель”. Есть ли что-нибудь подобное в эльфийском слове? Возьмём для сравнения другое эльфийское слово,

ᚱᚢᚳᚢᚱᚢ ᚱᚳᚳᚢ : ᚾᚢᚱ ᚱᚢᚱ ᚱ ᚳᚢᚱ

построенное по той же схеме: “Андор”. Как вы помните, так назывался остров, который Валар подняли со дна моря для Людей Трёх Племен, поддерживавших Эльфов в войне с Морготом. И означало это слово (“an” + “dor”) “Дарованная земля”, причём не в значении “подарочек на день рожденицссса, нашшша прелессссть”, а в значении “дарованная СВЫШЕ”. “An” + “dor” - “Дарованная <свыше> земля”; “anna” + “atar” - не означает ли это “дарованный <свыше> отец”? На первый взгляд, подобный перевод может показаться достаточно сомнительным: кому был этот отец дарован и нуждался ли кто-либо в Эрегионе в таком отце вообще?

Вновь настала пора вернуться к происхождению Келебримбора. Его отец Куруфин был одним из самых, мягко говоря, непорядочных и бесчестных сыновей Фэанора, деля эти сомнительные “лавры” с братом не только по крови, но и по духу Келегормом. Когда во время Дагор Браголлах воинство Моргота выбило Келегорма и Куруфина с перевала Аглон, они драпали без оглядки до самого Нарготронда, найдя приют у Финрода Фелагунда (в “благодарность” за это позже Фэаноринги предали его, отправив на верную гибель вместе с Береном). Вероятно, тогда-то Келебримбор и попал в Нарготронд вместе с отцом. Как я уже упоминала, после гибели Финрода народ Нарготронда осудил Келегорма и Куруфина за их лихие дела на изгнание. Келебримбор же отрёкся от отца и остался в Нарготронде. Сколько ему было лет, мы не знаем, однако поступок его явственно свидетельствует о юношеском максимализме. С большой долей вероятности можно сказать, что Келебримбор в ту пору был ещё очень и очень молод. О матери же его нам и вовсе ничего не известно. Предполагать можно разное, однако история с пребыванием Лютизн в Нарготронде наглядно демонстрирует, что в отношениях с женщинами братцы-Фэаноринги особой щепетильностью не отличались. Возможно, мать Келебримбора постигла судьба Лютизн (в “Сильме сказано: “...они решили <...> завладеть Лютизн и вынудить Тингола отдать её в жёны Целегорму” - то есть сперва обесчестили бы девушку, попавшую в их грязные лапы, а потом её отцу волей-неволей пришлось бы согласиться “прикрыть” бесчестье дочери браком с насильником). Но Лютизн была всё же дочерью короля и властителя половины Белерианда! Бесчестье же какой-нибудь простой Эльфийки можно было браком и не “прикрывать” - просто швырнуть ей в лицо пригоршню серебра как плату за любовь и за поруганную честь...

Вот тут-то у нас и всплывает вторая версия толкования имени Келебримбора! “Пригоршня серебра” - не говорит ли это о взаимоотношениях его родителей и обстоятельствах его появления на свет? Женщина, к которой Куруфин не испытывал никаких чувств, кроме плотского вожделения, рождает ему сына - бастарда, нежеланного, нежданного, ненужного. Возможно, женщине рождение этого ребёнка стоит жизни. Возможно, она погибает во время нападения Моргота на Аглон. Во всяком случае, Куруфина в Нарготронд она не сопровождает. С ним приезжает только сын - сын, к которому Куруфин испытывает не больше чувств, нежели к его матери. Скорее всего, и Келебримбор платит ему тем же. Чужие друг другу, они расстаются навсегда, когда Куруфина изгоняют из Нарготронда. Куруфина впереди ждёт множество крупных и мелких подлостей, которые он вершит, пытаясь вернуть похищенные Сильмариллы, и закономерный финал - гибель от руки сына Лютизн Диора в разорённом Дориате. Келебримбор... Он кочует по владениям дальних своих родственников - Нарготронд, Гондолин, крепость Зарендила в устье Сириона, Линдон. Быть сиротой не сладко. Да и не один раз его, несомненно, попрекнули родством с Фэанорингами - многим Эльфам, особенно дориатским, было за что ненавидеть этих “героев”, способных только с женщинами воевать да убивать младенцев! Не потому ли и покинул Келебримбор в конце концов Линдон, ушёл от равнодушия и попреков своих родичей?

И вот он в Эрегионе, среди друзей, которые его непритворно любят. И шрам на сердце начинает затягиваться. Лишь нет-нет да и отзовутся горечью прошедшие годы. И тут в Остин-Эдил приходит некто. С мудрыми речами. С благими помыслами. Дружелюбный и доброжелательный. Может быть, он заинтересован лишь в умелых руках Келебримбора - но пока замыслов своих не выдаёт. А напротив, всеми силами старается Эльфа к себе привязать.

И, надо признать, получается это у него отменно! Так, что когда в Эрегионе в очередной раз появляется Галадриэль (а она прекрасно знала о чувствах, которые испытывает к ней Келебримбор, - да он их и не скрывал! - и умело этим пользовалась!), она ощущает, что перестала быть для него единственным светом в окошке. Первое желание, которое в данной ситуации испытывает любая женщина, - это уничтожить соперника! “Прогони его, ибо он обманывает тебя, - заявляет она Келебримбору. - Никакого Аулэндила среди учеников Аулэ в Валиноре не было!” Оказавшись меж двух огней, Келебримбор пытается сделать выбор. Но выбор невозможен: он не хочет потерять ни возлюбленную, ни друга. “Она не верит, будто ты пришёл в Эндор от Аулэ, ибо сама Галадриэль была в Валиноре ученицей Аулэ и Иванны. Может быть, можно звать тебя как-нибудь иначе?” - спрашивает он и слышит в ответ нечто вроде: “Да хоть горшком называй, только в печь

ᚠᚦᚱᚱᚱᚱᚱ ᚠ ᚠᚱᚱ ᚠᚠᚠᚱᚱᚱ · ᚱᚠᚱᚱᚱᚱ

не сажай!" И тогда Келебримбор произносит имя - заветное, выстраданное: Аннатар. Дарованный отец. Дарованный самим небом; такой отец, какого у него никогда не было и о каком он всю жизнь мечтал!..

В отношении Келебримбора к Саурону это многое объясняет. Объясняет ли это что-нибудь в отношении Саурона к Келебримбору?

Вы, разумеется, помните сказку про гаммельнского крысолова? Когда ему отказались заплатить за истребление крыс, он увёл из города детей - и городу настал конец. Лишить противника будущего - что может быть важнее? Привлекая на свою сторону внука Фэанора, привязывая его к себе узами сыновней любви, Саурон вносил раскол в ряды своих возможных противников. При этом очень важно, что Келебримбор и его Мирдайн

поддерживали тесные дружеские контакты с Гномами Кхазад-Дума - а Гномы были весьма грозной боевой силой, связываться с которой Саурону совсем не светило.

Что же касается эмоциональной стороны, то сыновняя любовь Келебримбора, несомненно, льстила Саурону, возвышала того в его собственных глазах: как же, он, Тёмный Враг, внуку Фэанора дороже всех Высоких Светлых Эльфов!..

И вот тут уместно задаться вопросом: знал ли Келебримбор, кто на самом деле является ему под именем Аннатара? Профессор пытается уверить нас, будто "Келебримбор не пал ни душой, ни верой, но принял Саурона за того, за кого он себя выдавал; а когда наконец он открыл существование Единого Кольца, то отверг Саурона". Но такое утверждение противоречит самой элементарной логике: не мог же Келебримбор ковать то-не-знаю-что! Если Кольца призваны были сообщить своим владельцам тайную силу, не свойственную данной расе изначально, то ОТКУДА-ТО это могущество должно было браться! Идея самого могучего, Великого Кольца, на которое бы "замыкались" все остальные Кольца, просто витала в воздухе. Так что "прозреть" Эльфы должны были совсем не в тот миг, когда Саурон надел Единое на палец и прозвучало заклинание, а значительно раньше, - когда ещё только приступали к работе. Иначе в "Сильме" не утверждалось бы, что Единое не только "повелевало всеми прочими кольцами", но и "мощь их была связана с его мощью, и существовала до тех пор, куда существовало Оно": если Великое Кольцо подчиняло себе все другие благодаря "силе и воле" Саурона, вложенным в него, то включить в систему "обратной связи" Три "чистых" Кольца способен был лишь тот, кто их создавал.

То есть сам Келебримбор.

А зная о мощи Единого Кольца, о могуществе его создателя, Келебримбор просто не мог не понять, что Аннатар - существо иного, более высокого порядка, нежели Эльфы. Галадриэль категорически отвергла его причастность к Светлым силам. Келебримбору оставалось лишь сложить два и два и получить в итоге четыре: перед ним был один из уцелевших слуг Моргота. Не Орк, разумеется, - на Орков он насмотрелся. Не Балрог - видал Келебримбор и Балрогов, да и природа их была иной. Кто-то, кто мог принять облик Старших Детей Илуватара. Но на это были способны лишь Айнур. Докопаться до имени Саурона было после этого не так уж и сложно. Не исключено, что и сам Саурон не слишком-то таился. Перетянуть на свою сторону гордого Нолдо, потомка одного из древнейших эльфийских родов, кичившихся преданностью Свету, - это было бы верхом удачи! Исподволь, четыреста лет, влиял он на Келебримбора (как сказано в Повести Лет, сотрудничество Саурона с Эльфами Эрегиона длилось с 1200 по 1600 годы ВЭ), и завершилось это созданием Единого Кольца, ТЕСНО СВЯЗАННОГО СО ВСЕЮ ЦЕПЬЮ МАГИЧЕСКИХ КОЛЕЦ.

Дальше следует самая запутанная часть этой истории.

В "Сильме" рассказывается: "Едва надел Саурон на палец Единое Кольцо, как они [то бишь Эльфы] уже знали о том и прозрели, что Саурон жаждет поработить их самих и их творения. И, исполняясь страха и гнева, Эльфы скрыли свои Кольца. Саурон же, узнав, что выдал себя и что Эльфы не были обмануты, пришёл в ярость и объявил им войну, требуя, чтобы все Кольца были отданы ему, ибо без его мастерства и совета никогда не смогли бы их сделать эльфийские мастера. Но Эльфы бежали перед ним; и Три Кольца им удалось спасти и сохранить". Как будто всё "бьёт".

Но "бьёт" лишь до тех пор, пока мы не обратимся к хронологии ВЭ из Повести Лет.

А эта самая Повесть Лет гласит, что в 1600 году "Саурон на Ородруине куёт Кольцо Всевластья. Келебримбор проникает в его замыслы", а в 1693 году начинается "война между Сауроном и Эльфами. Три Кольца спрятаны". Получается, будто Келебримбор почти сто лет держал на Саурона фигу в кармане. А Саурон, в свою очередь, эти сто лет смотрел на него, как баран на новые ворота, и бубнил: "Отдай Кольца, отдай Кольца, отдай Кольца..." Когда же до него дошло (как до жирафа по длинной шее!), что Эльфы его обломали, - только тогда он начал войну против них. В УТ про эту войну сказано так: "В году 1695, собрав великую силу (пассаж про эту самую ВЕЛИКУЮ СИЛУ Саурона попрошу запомнить - это важно!), он [то бишь Саурон]

ᚱᚷᚳᚲᚲᚲᚲ ᚲᚾᚳᚳᚲᚲ : ᚾᚾᚳ ᚲᚲᚲ ᚲ ᚳᚲᚳ

двинулся <...> на Эриадор. Когда вести об этом достигли Гил-Галада, он выслал войско под началом Элронда Полуэльфа; но Элронду предстоял неблизкий путь, а Саурон повернул на север и внезапно двинулся к Эрегиону. <...> Келеборн предпринял атаку и отбросил их; но хотя он мог соединить свое войско с войском Элронда, они не смогли бы вернуться в Эрегион, потому что воинство Саурона было много больше их войска, и его хватило бы на то, чтобы отбросить их и осадить Эрегион"; в другом же месте УТ утверждается, что несмотря на то что "Саурон знал о том, как важны Великая Гавань [имеется в виду Лонд Даэр в устье Гватло] и ее верфи для его врагов", "у Саурона не хватало сил, чтобы нанести какой-либо удар по Гавани или берегам Гватло", а напротив, войском нуменорского короля Тар-Минастира "армия Саурона, понесла тяжелые потери, была отброшена. <...> В Битве на Гватло армия Саурона была наголову разгромлена, и сам он еле уцелел". Очевидно, миф о "великой силе" Саурона был нужен Светлым Эльфам для того, чтобы оправдать бесславное поражение Элронда, "полководческие способности" которого, судя по всему, слова доброго не стоили!

Согласитесь, что как-то это всё между собой плохо увязывается! Словно нам что-то недоговаривают...

А, может быть, следует по-иному расставить акценты?

Как мы помним, Гил-галад и Элронд никогда не жаловали странника, предлагавшего сделать Средиземье вторым Валинором. Позже Галадриэль, шлявшаяся по всему Средиземью между Лоринандом (так во ВЭ называли Лоризн), Эрегионом и Линдоном, как сорока на хвосте, принесла им весть, что Аулендил, окопавшийся в Эрегионе, - не тот, за кого пытается себя выдать. Несомненно, Келебримбора предупредили, что вокруг него ошиваются всякие подозрительные типы. И как нам известно, Келебримбор предостережению не внял. Более того, как утверждается в УТ, около 1400 года Мирдайн, горой стоявшие за своего Аннатара, предложили Галадриэль впредь обходить Эрегион стороной: у них, мол, имеется свой Правитель - Келебримбор, и нечего ей лезть не в своё дело! Как ни странно, но в этот раз Келебримбор, несмотря на всю свою любовь к Галадриэль, поддержал своих кузнецов: то ли к этому времени влияние Саурона на него стало уже безграничным - а то и опасался Келебримбор, что Эльфийка распознает, кто на самом деле скрывается под именем Аннатара, а потерять своего "Дарованного отца" он боялся. То, что после этого Галадриэль заточила на них обоих преогромнейший зуб, сомнений никаких не вызывает: чтобы гордая и властная Нолдэ простила такое явное и откровенное пренебрежение к собственной персоне?..

Отплатить Келебримбору оказалось легко: даже встав на сторону Аннатара, совсем вырвать её из своего сердца кузнец всё же не смог. Как не мог не похвалиться ей созданием Трёх Колец. Он даже подарил ей одно из Трёх - Нэнъя, Кольцо Воды. Два других, тоже по совету Галадриэли, Келебримбор отдал на сохранение королю Нолдор-изгнанников Гил-галаду - несмотря на дружбу с Сауроном, Келебримбор хранил лояльность своим правителям. Так Светлым Эльфам стало известно об этом проекте всё - или почти всё, ибо неизвестное они домыслили в меру своей испорченности, создав легенду о Кольцах Власти.

В это самое время Саурон находился в Мордоре, где заканчивалось строительство крепости Барад-дур - твердыни, предназначенной для защиты его владений от возможного нападения нуменорцев (относительно миролюбивых намерений Светлой стороны Саурон никогда не пытал ни малейших иллюзий). Поэтому когда он узнал о случившемся, ему осталось лишь развести руками (что сделано, то сделано) и потребовать, чтобы Гил-галад возвратил ему Кольца. Получил он, разумеется, дулю. И тем не менее Саурон предоставил им на размышления, красиво ли это - присваивать чужие вещи, почти сто лет, ожидая, не заговорит ли в Эльфах совесть.

Заговорила в них не совесть. Заговорил страх. Гил-галад, испугавшись, как бы Саурон не изъял Кольца силой (вспомнил, небось, прецедент - как огнём и мечом, шагая по трупам, домогались своих Сильмариллов Фэаноринги!), стал готовиться к войне (вот он, настал повод для излюбленного королевского занятия - дрынами помахать!).

В Мордоре тоже не дремали, ибо - да простится мне мой цинизм! - события ПЭ показали, что большинство эльфийских владык можно уговорить, лишь наступив им ногой на горло... или огрев огненной плетью по черепу... вот когда они лежат под каким-нибудь курганом Хауз-эн-Ндэнгин - тогда все Эльфы сплошь души и лапушки! Но никак не раньше, к сожалению...

Вряд ли военные приготовления Саурона коснулись бы Гвайт-и-Мирдайн: как я уже говорила,

Саурон без крайней необходимости не стал бы втягивать в свою войну какие-то "третьи" силы. Так что, пройдя Каленардоном, он, скорее всего, миновал бы восточный Эриадор и двинул армию кратчайшим путём на Линдон: ему ведь нужны были Кольца - и только Кольца! Однако Гил-галад, узнав, что противник переправился через Андун, вопреки логике, послал

ᚷᚱᚱᚱᚱᚱ :: | ᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ :

армию под командованием Элронда не встречь ему, а куда-то “налево”.
Задумайтесь, почему этим “левым” оказался именно Эрегион?

Для начала советую вам взглянуть на карту Средиземья! От Линдона до Кхазад-дума шёл так называемый Старый гномий тракт - прекрасная нахоженная дорога, которой Гномы пользовались ещё с ПЭ, протяжённостью около 500 миль. Перебросить по нему войска из Линдона к Эрегиону было делом девяти-десяти дней (даже если не шибко напрягаться). Саурону было намного сложнее. Он наступал, как уточняет Профессор, через Каленардон, и его войску необходимо было форсировать три нехилых реки -Андуин, Исен и Гватло (причём последнюю дважды - ибо следуя левым её берегом, он рисковал завязнуть в топях Нин-ин-Эльф, что находятся при впадении Гландуина) плюс перевалить Белые горы (Эрд Нимрайс), то есть по бездорожью, по весьма и весьма пересечённой местности преодолеть свыше 1000 миль. Спрашивается, кто ПЕРВЫМ должен был добраться до Эрегиона?

...И тем не менее нам говорят: Эрегион был разорён и опустошён, а Келебримбор погиб. Кто же в этом повинен?

Конечно, Саурон, ни минуты не сомневается Светлая сторона. Келебримбор обманул его, утаив Кольца, и Тёмный Властелин не простил ему предательства.

Но мы-то уже знаем, что Келебримбор Саурона НЕ ПРЕДАВАЛ! А мог ли Саурон его убить? Как мы уже выяснили, Келебримбор относился к Саурону как к отцу. Правильнее сказать, только к Саурону-Аннатару он и относился как к отцу. Что Саурону это льстило - несомненно, однако такие их отношения имели и обратную сторону. Если бы, как утверждает Светлая сторона, Келебримбор В САМОМ ДЕЛЕ попал в плен к Саурону и Саурон В САМОМ ДЕЛЕ приказал бы пытать его, Эльф легко мог сбить с него понт одной фразой: “Ты такой же подонок, как и мой родной отец!” Саурон был не то чтобы самолюбив, - но чрезвычайно щепетилен в вопросах рыцарской чести. События ПЭ показывают: он назвал Финрода своим пленником не раньше, чем победил его в поединке, и он же предпочёл, потерпев поражение в схватке с Хуаном, сдать Остров Обратной Лютизн. И уж верно, никакие Кольца не могли перевесить обвинения в бесчестье!

Вот и получается, что УБИТЬ Келебримбора Саурон тоже НЕ МОГ. Даже если бы ему представилась подобная возможность, психологически это выглядит совершенно неубедительно.

В этом плане показательна одна фраза из УТ: “В черной ярости Саурон бросился в бой; и, подняв на шесте пронзенное орочьими стрелами тело Келебримбора, как знамя, он повернул войска на Элронда”. Всё, что написано до и после можно рассматривать, как вам Эру на душу положит. Но эта фраза строго однозначна: тело убитого Келебримбора было поднято над войском Саурона КАК ЗНАМЯ. Простите, господа, но тело врага и предателя в качестве знамени не используют! Боевое знамя - это святыня. Поднять над своим войском как знамя можно только тело убитого друга.

Как призыв к отмщению.

И броситься в бой с его убийцей.

Скажите: чересчур загнула? Но посудите сами. Для фанатичных Светлых Эльфов, каковыми являлись и Гил-галад, и Галадриэль, и Элронд, кощунственно звучал уже самый призыв Саурона превратить Средиземье во второй Валинор. А здесь, в Эрегионе, призыв этот обернулся ДЕЛОМ. Откованные Великие Кольца стали первым шагом на пути создания “земного рая”. Едва надев Белое Кольцо, Нэнъя, подаренное ей Келебримбором, Галадриэль ощутила и великую силу его, и власть, которую оно возымело над нею. Владычица испугалась. Это что же: всякие Гномишки, Людишки и прочий смертный сброд, получив от Саурона Кольца, тоже обретут силу больше той, которая им на роду написана? А то, глядишь, и вовсе мудростью да силой с Избранным народом сравняются!

Саурон покусился на эльфийские привилегии.

Задел непомерные эльфийские амбиции.

И ладно бы, если бы только Саурон!

В конце концов, Саурон был Враг. Просто Враг. Всего лишь Враг.

Ничего хорошего от Врага и ждать не приходилось.

Но на самое святое посягнул один из СВОИХ.

Отступник.

Предатель.

Келебримбор.

И платой за отступничество ему стала смерть.

Поэтому Саурону, когда он добрался-таки до Эрегиона, досталось лишь пронзенное множеством стрел тело того, кто называл его Аннатаром - Дарованным отцом. И кого

ᚱᚱᚱ ᚱ ᚱᚱᚱ ᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱ

названный отец не сумел спасти.

Вот тогда-то Саурон, подняв над своим войском тело Келебримбора как знамя, в черной ярости бросился на Элронда. И так был страшен тот бой, что Элронду невмочь было сдержать натиск Саурона. Он позорно бежал, бежал далеко на север - полторы сотни миль прочесал без оглядки, прежде чем окопался в узкой расселине, называемой Имладрисом.

Саурону пришлось отказаться от дальнейшего преследования Элронда: сил у него было не так уж много, чтобы воевать на два фронта (армия Лоринанда под командованием Келеборна и армия Гномов Кхазад-дума дышали ему в спину, а Имладрис оказался достаточно серьёзным укрепрайоном, чтобы завязнуть здесь надолго!). Совершив марш-бросок через Эриадор, он вышел к Линдону и напал на Гил-галада. Почему - думаю, понятно всем: вряд ли наказание Келебримбора было собственной инициативой Элронда.

Гил-галад призвал на помощь нуненорцев...

Конец известен: после сокрушительного поражения Саурону пришлось отступить в Мордор.

Забавно, однако, то, что КОЛЬЦО ВСЕВЛАСТЬЯ, которое, по уверениям Светлых, призвано было обеспечить ему власть над миром, в действительности не помогло Саурону выиграть эту войну.

Даже одну эту!

А сколько поражений он потерпел после? Хотя Единое Кольцо находилось на его руке до самого конца ВЭ!

Однако, как сказано в ВК, победы Светлых всякий раз оказывались удивительно бесплодными, а Тьма, оправившись от поражений, разрасталась вновь и вновь. Что тому было причиной? Проклятие Мандоса, тяготеющее над братоубийцами с незапамятных времён? Или Кольца, обгащённые кровью их создателей?

Вопрос по-прежнему остаётся открытым.

Так что думайте, господа, думайте!

Nai hiruvalyë Valimar;
Nai elyë hiruva...
(C) Hel Itilienven

Рисунок Дж.Р.Р.Толкина

Смерть Деагорда